

Юнгманн воспроизводил текст «Слова» в латинской транскрипции: «я» обозначено как «ā»; «н» как «je» и т. д., подобным образом и Добровский транскрибировал русские тексты. У Юнгманна отсутствуют «ъ» и «ь»; это закономерно вызвало большое количество ошибок. Юнгманн то смягчает «е» («utrě», «na robědu»), то не обозначает смягчения («drevo», «nebologom», «zovet»).

Конъектур у Юнгманна немного: «обступиша» вместо «отступиша», «носит вас ум» вместо «носит ваш ум». Вообще Юнгманн очень точно следовал изданию Шишкова; все изменения, внесенные последним в текст по сравнению с изданием 1800 г., Юнгманн принял полностью: «бремены» вместо «времены», «на конину» вместо «на канину» (здесь Юнгманн перевел «на конскую шкуру»). Многие примечания его просто переведены из книги Шишкова.

Сведения по истории Киевской Руси и генеалогии русских князей Юнгманн получил оттуда же; сам текст «Слова» также служил для него источником; так, он буквально понял обращение Святослава к Игорю и Всеволоду, которым начинается «злато слово», и назвал Святослава Киевского дядей Игоря и Всеволода. Вообще историческая сторона «Слова», по-видимому, интересовала Юнгманна меньше всего. Поэтому он даже в исторический обзор включил плач Ярославны, очень эмоционально изобразив ее скорбь. Впрочем, у И. Юнгманна часто можно встретить восторженные восклицания по поводу красот «Слова о полку Игореве».

В примечаниях И. Юнгманна встречаются ошибки: так, слово «кумир» он не понял, посчитав его за второе имя Дажьдбога. Перевод темных мест «Слова» представил для И. Юнгманна большие затруднения: он не дал оригинальных толкований, предпочитая в таких случаях переводить очень осторожно, различными способами указывая на трудность данного выражения. Возьмем, например, перевод до сих пор удовлетворительно не понятого места: «... U Plešeňska na vyhoně byly v háji Kisanově, nesešli (nemám sláti?) k siněmu mori?». Попытка объяснить слово «nesešli» в скобках и два вопросительных знака свидетельствуют о том, что смысл этого места остался для И. Юнгманна непонятным.

И. Юнгманн не ставил перед собой задачи дать новые толкования — он вообще не подходил к «Слову» только как к объекту изучения. Перевод «Слова» был для И. Юнгманна одним из средств для выполнения задачи возрождения чешского языка.

Кроме возможности обогащения чешского языка со стороны стилистической, «Слово» привлекало И. Юнгманна и возможностью лексических заимствований из родственного языка. Это стремление отчетливо проступает в переводе: многие слова И. Юнгманн переносит из оригинала, всегда поясняя их смысл в скобках: braň (voj), siný (modrý), stolec (trůn), kramola (rozbroj), tuk (všeliké dobro) и т. п. Иногда он выражает сожаление по поводу утраты чешским языком некоторых слов (например: «храбрый»: «Жаль, что слово „храбрый“ (польское chrobry) в чешском языке исчезло»).¹⁷

В подтверждение этим предположениям можно привести высказывания И. Юнгманна по этому поводу, сделанные им позднее. Говоря о источниках для развития языка, он пишет: «Другими богатыми источниками, из которых можно черпать, являются наречия инославянские, в большей или меньшей степени родственные чешскому языку... В конце концов и до-

¹⁷ Francev, стр. 32.